

Н. А. Прозорова

К ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ И АННЫ ГАНЗЕН

Аннотация: В статье проанализирован новый материал о встрече О. Ф. Берггольц с переводчицей А. В. Ганзен в Доме творчества ленинградских писателей в Детском Селе в марте–апреле 1941 г. В работе впервые приводится новонайденный текст стихотворения Ганзен «Вот ведь ты какая» из архива переводчицы, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Стихотворение, посвященное Берггольц, представляет собой яркий поэтический портрет будущей музы блокадного Ленинграда, созданный Ганзен накануне войны.

Ключевые слова: А. В. Ганзен, О. Ф. Берггольц, Дом творчества, Детское Село, стихотворение, дочь Ирина, репрессии.

Abstract: The article introduces a new material about the meeting of O. F. Berggoltz with the translator A. V. Hansen in the House of Creativity <Dom tvorchestva> of Leningrad writers in Detskoye Selo in March-April, 1941. The work contains the text of Hansen's poem «That's What You Are After All» <«Vot ved' ty' kakaya»> newly discovered in her archive, which is stored in the Manuscript Department of Pushkin House. The poem dedicated to Berggoltz and created by Hansen on the eve of the war is a vivid poetic portrait of the future Muse of the besieged Leningrad.

Key words: A. V. Hansen, O. Berggoltz, poem, House of creativity (Dom tvorchestva), Detskoje Selo, daughter Irina, repressions.

Ольга Берггольц познакомилась с переводчицей скандинавской литературы, Анной Васильевной Ганзен (урожд. Васильевой; 1869–1942), в Доме творчества ленинградских писателей в Детском Селе весной 1941 г.

Анна Васильевна и ее муж, П. Г. Газен (1846–1930), были известны современникам как превосходные переводчики Г. Ибсена, Х. К. Андерсена, Б. Бьёрсона, К. Гамсуна, А. Стриндберга и др.¹ После отъезда в 1917 г. П. Ганзена в Данию Анна Васильевна осталась в России, продолжала переводческую деятельность в издательстве «Всемирная литература» (входила в редколлегию), активно работала в секции переводчиков при Ленинградском отделении

---

¹ Подготовленное ими Полное собрание сочинений Г. Ибсена в 8 т. (М., 1903–1907) было удостоено Пушкинской премии Академии наук. Впервые Ганзены перевели с датского (а не с немецкого, как это практиковалось раньше) Х. Андерсена. «Благоухающая поэзия Андерсена впервые предстала читателям во всей своей чарующей прелести, – писал Ганзену издатель И. И. Горбунов. – Если бы лучшие писатели мира нашли бы себе таких переводчиков, то это подняло бы вкус к ним общества» (цит. по: *Брауде Л. Ю.* По волшебным тропам Андерсена. СПб., 2008. С. 45).

Союза писателей.² «Анна Васильевна Ганзен, с которой я теперь все ближе знакомлюсь на работе, – писал в дневнике 10 нояб. 1933 г. К. И. Чуковский, – выступает передо мною все ярче. Бескорыстный, отрешившийся от всякого себялюбия, благодушный, феноменально работающий, скромный человек, отдающий каждую минуту своей жизни общественной работе – заботе о других, несет на своих плечах всю Детсекцию, мы в Горкоме писателей хотели ее премировать, но она и слышать не хочет»».³

Весной 1941 г. Ганзен находилась в Доме творчества, куда не позднее 26 марта приехала Берггольц в надежде восстановиться после перенесенной накануне невралгии. Впрочем, невралгия была лишь частью ее общих психофизических недугов: врачи рекомендовали ей обратиться к психиатру, и Ольга Федоровна ехала в Детское (с 1937 г. – г. Пушкин), размышляя о своем состоянии. Оснований к тяжелому эмоционально-психическому надлому было предостаточно: смерть восьмилетней дочери Ирины в 1936 г. от болезни сердца,⁴ допросы по «делу Авербаха» и последующие репрессии в 1937 г., арест по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности («попытках убить т. Жданова») и тюрьма в 1938–1939 гг. – последствия этих горестных событий Берггольц не удалось изжить до конца своих дней, но весна 1941 г. была для нее особенно «горюче» кризисной. В это время Ольга Федоровна окончательно потеряла надежду на то, что власти «все объяснят», «что освободят, если не всех, то хоть очень многих»,⁵ и свое мироощущение определяла замкнутым кругом, в котором только «Смерть, тюрьма, тюрьма, смерть».⁶

Но приезд в Дом творчества не только не успокоил ее, но что она, вероятно, надеялась, а еще больше разбередил незаживающие раны, поскольку сам топос – Детское Село – имел в судьбе Берггольц весьма драматические коннотации. 26 марта 1941 г. она писала в дневнике:

«Сейчас я в доме творчества, в Детском. В этом доме я дважды умирала: первый раз, когда пришла просить у Толстого (Толстой А. Н. – Н. П.) машину, чтобы увезти Ирку в больницу.⁷ Я сказала Толстой (Толстая Л. И.⁸ – Н. П.) –

---

² Сама А. В. Ганзен перевела произведения приблизительно ста авторов, в том числе Ф. Шиллера и В. Шекспира. См. о ней подробнее: *Стреблова И. П.* Ганзен Анна Васильевна // Русские писатели: 1800–1917: биограф. словарь. М., 1992. Т. 1. С. 521.

³ *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Дневник 1922–1935. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2006. С. 521 (запись от 10 нояб. 1933 г.).

⁴ Ирина, дочь Б. П. Корнилова и Берггольц, родилась 13 окт. 1928 г., умерла 14 марта 1936 г. от фиброзного эндокардита.

⁵ *Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2: 1930–1941 / сост., текстол. подгот., подбор ил. Н. А. Стрижковой; вступ. ст. Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017. С. 613.

⁶ Там же. С. 611.

⁷ С февраля 1936 г., когда у Ирины началось обострение эндокардита, Берггольц наняла комнату в Детском Селе, где поселила дочь со своей матерью, М. Т. Берггольц, и няней. Состояние Ирины ухудшалось, 1 марта ее обследовал педиатр А. Ф. Тур и посоветовал везти в больницу. Берггольц колебалась, но 10 марта отвезла Ирину в больницу.

⁸ Упоминается *Толстая* (урожд. Крестинская, в 1-м браке Баршева) *Людмила Ильинична* (1906–1982) – четвертая жена А. Н. Толстого.

“Моя дочь умирает, дайте мне машину”, – и поняла, что она действительно умирает.

Со смертью ее началась моя смерть, тем более, что Я, я виновата в смерти Ирочки. И весь мир стал смертен.

Второй раз из этого дома меня увезли в тюрьму, и с нее началась вторая смерть, – смерть “общей идеи” во мне. <...> Я круглый лишенец. У меня отнято все, отнято самое драгоценное: доверие к Советской Власти, больше, даже и идея ее...».⁹

В таком состоянии, считая себя «ограбленным человеком», Берггольц продолжала работать. 1 апр. в Детском она написала вторую часть знаменитого цикла «Аленушка», говоря ее же словами, «стихотворение, которого сама боюсь».¹⁰ Уже в первой его строчке «Голосом звериным, иступленная...»¹¹ – слышался яростный зов о помощи «оболганного, обманутого», запутавшегося в «черной тине», почти «погубленного» человека.

Она продолжала вести дневник и в тот же день поместила в него гневную инвективу по адресу редакторов-цензоров, снявших в журн. «Литературный современник» ее стихотворение «Тост», написанное еще 31 дек. 1939 г. и обращенное к тем, «кто не с нами сегодня», т. е. к находящимся в заключении друзьям.¹² Запрещение публикации Берггольц ощутила как «лязг тюремного ключа там, – напоминание о том, что ты – невольник».¹³

Входя в круг отдохавших в Пушкине писателей, критиков и переводчиков, Ольга Федоровна понимала, что они были осведомлены о перенесенных ею репрессиях. Среди литераторов были и те, кто имел похожий с Берггольц опыт. Так, сама Ганзен была арестована вместе с дочерью в 1919 г. по обвинению в том, что она являлась женой статского советника – П. Г. Ганзена, «который по поручению Временного правительства Керенского уехал в Данию и оттуда не вернулся»,¹⁴ и освобождена лишь после хлопот за нее Л. Б. Каменева и М. Горького. При этом характер общения Берггольц с писателями Дома творчества проходил, судя по дневнику, в легком жанре: по понятным причинам поэтесса не касалась в разговорах мучивших ее вопросов и длительных дружеских привязанностей там не завела.

Краткие записи (меньше страницы) о пребывании Ольги Федоровны в Детском очень характерны для ее дневника. В них присутствует аналитический

---

⁹ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. С. 612–613 (ср. разночтения в печатном тексте: «даже к идее ее...» (Берггольц О. Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц / сост. Н. Е. Соколовской. СПб., 2010. С. 41).

¹⁰ Там же. С. 615.

¹¹ В первом, дневниковом варианте: «Голосом звериным, истомленная...» (Там же).

¹² Стихотворение «Тост» («Летит новогодняя вьюга...») впервые опубликовано: Берггольц О. Ф. Стихи и поэмы. М.: «Правда», 1946. С. 7 (без заглавия, в цикле «Три тоста»).

¹³ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. С. 614.

¹⁴ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиогр. / отв. ред. А. Ю. Галушкин; сост. Л. Е. Борисовская, О. В. Быстрова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 415.

взгляд на собственное поведение в Доме творчества, выраженный в автохарактеристике – постоянной составляющей дневникового текста Берггольц. Рефлексия распространялась и на писательское окружение: молодой поэтессе было важно уяснить себе, какое впечатление она производила. 13 апр. 1941 г. она писала в дневнике:

«В Детском, в доме творчества, ко мне очень хорошо все относились (или это опять мое очередное заблуждение?). Нет, кажется, я не обманывала их, не казалась лучше, чем на самом деле. Мне приятно было быть доброй, внимательной, у меня была какая-то расположенность к людям. Господи, сколько я слов наслушалась о своем “обаянии”, “красоте”, “уме” и т. д.

Кто-то, кажется Будницкая (Будницкая. – *Н. П.*), говорила мне – “Ты сама жизнь”. Я много смешила их, и удачно.

Вот в этом-то я и обманывала их! Во мне так мертво, так темно, – они и не знают. Но я была весела без натуги, правда... Как-то это уживается вместе: но не скрою, что все это было мне приятно, и слова Гонзен (Ганзен. – *Н. П.*) о моих стихах, и восторги Будницкой...».¹⁵

Но если в зеркале дневника поэтесса казалась себе веселой «без натуги», то взгляд на нее со стороны был более объективным. Анна Васильевна Ганзен была чутка и проницательна: она почувствовала и «неумное сердце» Берггольц, и какое-то глубинное сиротство, и житейскую неприкаянность, а также характерное свойство ее темперамента – эмоциональную неустойчивость, проявлявшуюся в жизни – во внезапных, непредсказуемых поступках, а в беседе – в резких переходах от пафосной речи к почти бранным словам. Уязвимость эмоциональной природы поэтессы Анна Васильевна передала в написанном ею тогда же в Доме творчества стихотворении, начинавшемся словами «Вот ведь ты какая», с помощью глагольного ряда – «бросает», «шатает», «толкает».

То тебя бросает
К трудному, то к легкому,
Без вина шатает,
С выси вниз толкает.

Ганзен угадала и самый «нерв» болезненного состояния молодой женщины – неутраченную боль от потери любимой дочери Ирины. «Немыслимо зафиксировать и выразить ту боль, которую приняла и несу в себе, как результат этих 6,5 месяцев. <...> И все-таки больше даже этой боли – боль об Ирине, – писала Ольга Федоровна, – боль огромная, спокойная, неумолимая, потому что – я виновата. Было такое счастье, как Ира, а я...».¹⁶ Эту неотступную мысль-боль, мысль-казнь Ганзен определила как «нервующую нить»

¹⁵ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. С. 616 (в записи упоминается филолог, переводчик Миллер-Будницкая Рашель Зиновьевна (1906–1967)).

¹⁶ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. С. 335. Ср. разночтения в печатном тексте: «боль огромная, спокойная, *неумолимая* (курсив мой. – *Н. П.*), потому что я виновата» (Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: документы и комментарии. 1925–июнь 1941. М., 2010. Т. 1. С. 858).

с прошлым, которое никому не под силу исправить. Пронзительная догадка Анны Васильевны –

Может, удержала бы
Детская ручонка?..
Полный грустной жалобы
Голосишка тонкий?.. –

напрямую подтверждается дневниковой записью Берггольц от 23 дек. 1939 г., в которой Ольга Федоровна писала, что именно ребенок (рождение ребенка) представляется ей спасительным кругом, и он мог бы «примирить» ее с жизнью и наполнить ее «действительным смыслом».¹⁷

Первая встреча Ольги Федоровны с Ганзен, как уже отмечалось, произошла в Доме творчества, и до этого они, похоже, не пересекались ни по каким писательским делам (неслучайно фамилия переводчицы написана в дневнике Берггольц с ошибкой), да и начальная строчка стихотворения «Вот ведь ты какая» свидетельствует о первом, непосредственном впечатлении от молодой поэтессы, возникшем у Анны Васильевны при личной встрече, хотя с ее стихами она могла быть знакома и раньше. Публикуемое стихотворение имеет точную дату 7 апр. – день возвращения Берггольц в Ленинград,¹⁸ что дает возможность предположить, что Ольга Федоровна и Ганзен виделись или попрощались перед отъездом. Приходилось ли им встречаться позднее, неизвестно. Через два с небольшим месяца началась война, а затем блокада Ленинграда, погубившая немалую часть творческой интеллигенции города, среди которой была и Анна Васильевна. Внучка переводчицы, М. Ю. Кожевникова, вспоминала: «В конце марта бабушке стало совсем плохо. До этого она пожила в стационаре Дома писателя, но, по-видимому, все было так безнадежно, что оттуда она вернулась еще более ослабевшей. Туда я везла ее на санках, и она сидела сама. А обратно мне пришлось все время поддерживать ее за спину. 1 апреля 1942 года в ночь она скончалась».¹⁹

О дальнейшем «жестокоем расцвете» Берггольц Анне Васильевне узнать было не суждено. Но в предвоенном стихотворном портрете поэтессы, который оставила нам Ганзен, уже просвечивает образ будущей музы блокадного Ленинграда.

Текст стихотворения приводится впервые по автографу А. В. Ганзен, хранящемуся в архиве переводчицы ф. 702 (фонд не обработан) в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

---

¹⁷ Запись см.: *Берггольц О. Ф. Мой дневник*. Т. 2: 1930–1941. С. 571. Напомним, что у Ганзен было свое материнское горе: не так давно она лишилась сына – Льва Петровича Ганзена, расстрелянного 5 нояб. 1937 г. по так называемому списку немецких шпионов № 1.

¹⁸ Ср. запись в дневнике: «13.IV.41. Вот я опять в Ленинграде. Да и давно уже, с седьмого числа» (*Берггольц О. Ф. Мой дневник*. Т. 2: 1930–1941. С. 615).

¹⁹ *Кожевникова М. О моей бабушке // Голоса из блокады: ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / сост. З. Дичаров. СПб.: Наука, 1996. С. 143.*

Ольге Б.

Вот ведь ты какая –
Сердце неумное,
Голова шальная!
Вся ты – как чужая,
Сирота бездомная!
Притулиться не к кому!
То тебя бросает
К трудному, то к легкому,
Без вина шатает,
С выси вниз толкает.
Может, удержала бы
Детская ручонка?..
Полный грустной жалобы
Голосишка тонкий?..
Может?.. Может?! Ум тревожит,
Сердце днем и ночью гложет
Мысль – нервущаяся нить,
Мысль о том,
– чего не воротить!

А. Г.

Пушкин, 7/IV 1941 г.

Библиографический список

1. *Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2: 1930–1941 / сост., текстол. подгот., подбор ил. Н. А. Стрижковой; вступ. ст. Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017. 824 с.
2. *Брауде Л. Ю.* По волшебным тропам Андерсена. СПб.: Алетейя, 2008. 264 с.
3. *Кожеевникова М.* О моей бабушке // Голоса из блокады: ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / сост. З. Дичаров. СПб.: Наука, 1996. С. 132–144.
4. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиогр. / отв. ред. А. Ю. Галушкин; сост. Л. Е. Борисовская, О. В. Быстрова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. 766 с.
5. Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: документы и комментарии. 1925–июнь 1941. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. Т. 1. 1021 с.
6. *Стреблова И. П.* Ганзен Анна Васильевна // Русские писатели: 1800–1917: биогр. словарь. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1992. Т. 1. С. 521.
7. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Дневник 1922–1935. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2006. 653 с.

Архивные источники

РО ИРЛИ, ф. 702 (арх. А. В. Ганзен); фонд не обработан.